

Мария ГУДЫМА

"В настоящем — только боль обид...", или Кукла для Шарлотты

Одесский театр кукол в нынешнем сезоне, обновив свое помещение, создает репертуар для взрослых, подготовил самое настоящее театральное пиршество — моноспектакль Заслуженного артиста Украины Юрия Невгамонного "Разговор в семействе фон Штейн об отсутствующем господине фон Гёте" по одноименной пьесе немецкого драматурга Петера Хакса. Несмотря на то, что пьеса представляет собой монолог от лица дамы Шарлотты фон Штейн, в течение добрых десяти лет сводившей с ума от любви самого Иоганна Вольфганга фон Гёте, артист играет сам. Не нашлось актрисы, которая решилась бы взяться за этот достаточно сложный материал — Невгамонный готов был поставить спектакль как режиссер. В итоге пришлось повторить успех начала девяностых, когда на его же моноспектакль "О, счастливые дни!" по Беккету театралы ломились в маленький подвальный зальчик театра "Аркадия", нисколько не смущаясь тем, что от имени старушки Винни говорил артист в мужской одежде. Есть такие пьесы, мимо которых грешно проходить. Особенно если имеется в наличии прекрасный перевод Эллы Венгеровой, много и со вкусом переведившей Хакса (в данной пьесе драматург не в последнюю очередь превзошел себя, так как использовал материалы сохранившейся переписки между писателем и его музой).

— Пьесой Петера Хакса я давно увлечен, — признаётся Юрий. — Она была издана в начале восьмидесятых в Союзе, я ее советовал многим актрисам, которые постоянно просят порекомендовать им хорошую пьесу. Забавный случай вышел с бывшей актрисой нашего ТЮЗа Надей Орловой, которая заочно училась в ГИТИСе и на втором курсе по моему совету подготовила отрывок из этой пьесы. Комиссия хохотала, потому что Надя была на тот момент заметно беременна, и когда она произносила реплику: "Я не люблю Гёте", — всем становилось ясно, что ребенок-то именно от Гёте! Вот уже четыре года, как я готов был сделать свой моноспектакль, раз актрисы не хотят этой роли, меня останавливал только затянувшийся ремонт здания. И вот все готово по принципу "сделай сам" — и сценографию придумал, благо в пьесе заложено, что на сцене присутствует кукла, изображающая мужа Шарлотты. И музыку сам подбирал, и пластику ставил сам, вот только танго с куклой поставил балетмейстер Олег Гусаренко. Конечно, пришлось сократить текст, иначе зрителям пришлось бы провести в театре все четыре часа. От этого, наверное, многое стало менее понятным... Но основная мысль остается: как часто мы обманываем себя, принимая желаемое за действительное...

В начале спектакля артист обозначил свою Шарлотту, оказавшись позади манекена с платьем на кринолине, но это было всего лишь несколько секунд. Дальше был господин во фраке, ведущий салонную беседу с сидящей куклой (драматург считал, что во рту куклы должна быть трубка, но и мундштука с сигаретой вполне достаточно для ирреаль-

ной ситуации): "Вот видите, Штейн, чего я достигла своим смягчающим влиянием. Ценой огромных усилий я устранила самые броские, самые скандальные неприличия: он больше не топает на нас ногами. Но распущенность, лежащую в их основании, но самомнение, глубоко оскорбляющее всякое мужское и особенно женское сердце, — его я не смогла устранить. Сегодня, как и десять лет назад, Гёте напоминает мне спесивого индюка. Он был бродягой — я его воспитала; теперь мы имеем воспитанного бродягу: гения. Нет, Штейн, не такой конец я имела в виду. И десять лет неуспеха, я думаю, достаточный срок, чтобы человек, питавший даже самые радужные надежды, понял, что он переоценил возможности".

А потом о господине перестаешь даже думать, начинается какая-то фантазмагория, без всяких внешних атрибутов начинаешь верить, что дама перед тобой. Дама слишком много на себя берет, рассуждая: "Гёте незаметно — для Веймара, говорите вы; для человечества, говорит он. Следовательно, мой долг — его приручить, успокоить, избавить от дурных настроений. А почему, собственно, мой? Пусть Веймар избавляет его от дурных настроений, если он ему так нужен. Пусть потомство его и любит. А я, например, заменима? У меня тоже только одна душа. Если я позволю ее разрушить в угоду этому вдохновенному шантажисту, я так же не найду себе замену, как он — себе. Я не гений, а потому могу спокойно принести себя в жертву? Именно потому, что я не гений, я отвергаю эту претензию. Жертва имеет свою прелесть только для тех, кому уготовано место среди звезд для тех, на страницах хрестоматий. В отличие от Гёте я живу, только пока живу. У меня есть обязанности перед самой собой, перед детьми, перед родственниками. Затем следуют обязанности перед требованиями хорошего тона и перед всеми учреждениями, которые делают этот мир сносно для земных людей. Только когда эти требования выполнены, всякие посланцы могут выставлять свои — пожалуйста".

Гёте также присутствует в этой истории в виде куклы, только эта кукла поменьше той, которая именуется Иосиасом фон Штейном, и висит на гвоздике. Похоже, эта дама просто играет мужчинами, словно куклами. Впрочем, где тут дама, может, это сам драматург озвучивает монолог своей героини, незаурядной женщины своего времени, а для правдоподобия окружил себя молчаливыми куклами-партнерами? В один из знаковых моментов своего монолога Шарлотта вдруг начнет измерять шапочками круг света от прожектора, словно повторяя заводящий в тупик путь, да спохватится. Роняет кофейную чашечку, напряженно прислушивается к шуму колес и почтовому рожку за окном — пора бы появиться очередному письму от знаменитого поклонника... Четко артикулирует слова, взвешивает их, изредка позволяя себе сделать орущий, оглушительный акцент на одном слове, так прорывается сильнейший тем-

перамент сквозь скорлупу светской воспитанности. Нервы чуть расшатаны. Временами заговаривается, словно заезженная пластинка, повторяется — ну знает Шарлотта за собой такой грешок. Время, увы, безжалостно; оно пригасило, стерло ее женскую прелесть (разница в возрасте в пользу Шарлотты была всего-то в семь лет, современникам это казалось чем-то из ряда вон, сегодня особого значения такому не придают) и, как выяснится, ослабило влияние на гения. А ведь Шарлотте уже казалось, будто без нее и Гёте-то никакого быть не может: "Он говорит, что создал "Тассо" и таврическую Ифигению, чтобы все знали, как он любит меня. Разумеется, все наоборот: он любит меня, чтобы сочинять этого Тассо и эту Ифигению. Я для него — чернильный прибор, мне место на его письменном столе. Самое возмутительное, что, сидя над своими драматическими сочинениями, он испытывает чувства, на которые имел бы право лишь в том случае, если бы я позволила ему сидеть подле меня. Он внулшил себе, что мы любим друг друга; он пишет историю нашей любви, не спрашивая меня. Он любит за себя и за меня. Как прикажете мне защищаться? Я, сколько могу, мешаю ему работать и возвращаю к суровой действительности. О да, тогда он страдал. Но позволю себе заметить, что страдал он не без удовольствия. В страдании он становился таким красноречивым, выражал свои поучения с такой безысходной откровенностью, что я всегда чувствовала с этим тайное наслаждение. У меня есть некоторые основания сомневаться в том, что человек на дыбе замолкает: насколько мне известно, он кричит. А вот Гёте — тут он сказал правду — сочиняет стихи".

Утонченная дама описывает жестокости, которым подвергала своего поклонника: письма, например, по несколько дней не распечатывала. И это, только что принесенное, распечатывать не спешит. Но к чему притворство? Было, все было у них с Гёте, по-настоящему: "Ах, и я таяла от его слов и поцелуев! Моя беспомощность исчезла, я забыла о своем ничтожестве и о том, что я всего лишь слабая женщина, что имею право вечно быть лишь его служанкой. И все же, ибо любовью своей он возвысил меня, я чувствовала себя равной ему. Объятие, которому предшествовали эти часы... Предвижу ваше удивление, когда вы узнаете, что наше блаженство отнюдь не означало отказа от наслаждений плоти и нервов. Между тем я решилась ничего не утаивать от вас..." Увлекается исповедью, Шарлотта хватается в охапку сидящую куклу и танцует с ней страстное танго. Разве мужья знают, что такое настоящая страсть?! Пусть прочувствует, хотя бы теряя свою Шарлотту навсегда: "Гёте оставалось принять последнее решение, и о том, что он его принял, свидетельствуют романтические обстоятельства его отъезда и чрезмерная удаленность его теперешнего прибежища. Что ж, я решилась. Вместе с загадкой я скажу вам и загадку, ибо вижу, что вы ничего не поняли. Я выйду за него замуж, Иосиас. Да, супруг мой,

я не могу избавить вас от тягостных перипетий развода. Ничто не говорит против вас, но слишком многое говорит за такое предложение. Спокойствие — говорю это не для того, чтобы польстить, — я найду и с вами, но брак с Гёте будет нескончаемой цепью знаков внимания, деликатных забот, предупредительных поступков. Ничего подобного я не смогла бы потребовать от любого другого мужчины. На такое самоотречение способен лишь тот, кто ощущает свою несостоятельность, кто не способен нарушить верность и вечно живет под гнетом вины. Тема нашей бедсуды исчерпана. Мы должны принять решение. Вы приказали мне позаботиться о том, чтобы сохранить для нас Гёте. Будь по-вашему, Штейн, он останется с нами, но я не останусь с вами. Ваш приказ будет исполнен, но иначе, чем вы хотели".

"О, романтика нежной души!" — воскликнул один из героев Блока по весьма схожему поводу. "О, счастливые дни!" — так можно было бы назвать не только давний спектакль по Беккету, но и нынешний, по Хаксу. Ну же, Шарлотта, не будь так самоуверенна. Открой, наконец, конверт с письмом от Гёте. Его здесь нет, и ты больше не можешь изводить поэта видом нераспечатанных писем, которые он писал спешно, по ночам, кровью сердца. Сегодня он, вечно жалующийся на погоду (на самом деле она зависит от настроения, это же ясно, как показания барометра!), пишет вовсе не о грядущей свадьбе с тобой, а о том, как хороша погода в Италии: "Я чувствую себя превосходно, здесь прекрасная погода, все здесь делает меня счастливым... Здесь всякая погода прекрасна... Погода продолжает оставаться невыразимо прекрасной..."

Урони своих кукол, Шарлотта. Ты им больше не нужна. Не спрашивай, почему. Ты была так уверена в своей власти над ними, ты воображала, будто подобрала все ключики к их сердцам и протянула ниточки, дергая за которые, заставляешь их плясать, как то тебе угодно. Больше не надо быть злой, расчетливой, кокетливой, стержневой — это больше не работает. Отныне Гёте будет дарить тебе только дружбу, ты постарайся скрыть свою боль, и только для нас, зрителей, горестно, уже без всякого кокетства и манерности воскликнешь: "О Господи, ну почему, почему всем нам так тяжело, так ужасно, невыносимо тяжело?!"

А Гёте... А что Гёте? Он так увлечен своей прелестной молодой женой, которую ты будешь нещадно и презрительно критиковать. Для тебя у него найдутся только такие, отправляющие тебя в анналы истории строки:

Знала все, что в сердце мной таимо,
Каждую извела черту,
Все прочла, что миру в нем незримо,
Мысль мою ловила на лету,
Жар кипящей крови охлаждала,
Возвращала в бурю мне покой,
К новой жизни сердце возрождала,
Прикоснувшись ангельской рукой.
И легко, в волшебном-сладких путях,
Дни текли, как вдохновенный стих.
О, блаженна память о минутах,
О часах у милых ног твоих,
Когда я, в глубоком умиленье,
Обновленный, пил живой бальзам,
Сердцем сердца чувствовал биенье
И глазами отвечал глазам!

И теперь одно воспоминанье
Нам сердца смятенные живит,
Ибо в прошлом — истины дыханье,
В настоящем — только боль обид.

Гений всегда останется гением, о котором простые и даже незаурядные люди вспоминают с восторгом, пусть даже спрятанным глубоко-глубоко. Чужой опыт никого и ничему не научит, Шарлотта. Ты станешь тенью, легендой, но поколения земных женщин все так же будут отваживаться любить, оболочать, завлекать и удерживать мужчин, как бы то ни было тяжело. Все женщины по сути своей актрисы, и так же, как для тебя, для каждой из них самыми яркими окажутся воспоминания о том, какими же великолепными оказывались мгновения триумфа существования на сцене, где нужно скрыть боль и щегольнуть умом или красотой, а лучше — тем и другим. Но тебя уже нет, Шарлотта. Чары развеялись, тени рассеялись, платье твое упало и свернулось цветным ворохом, только грустный медиум во фраке выходит на авансцену под гром аплодисментов. Это он вызвал твой дух, рассказал твою историю и примерил на себя, потому что, если честно, мужчинам тоже ведома тоска по утраченному счастью.

